

Император, он же Сын Неба.

Сын самого Неба, священный правитель, получивший мандат свыше, в глазах простого народа он был подобен божеству, которому поклоняются в храмах.

Увидеть его хотя бы издалека уже считалось величайшим благословением.

Ли Пинъаню сегодня несказанно повезло: он оказался всего в трех-четырех чи от небожителя. Поднять голову и рассмотреть его как следует он не посмел, лишь украдкой бросил пару взглядов.

Честно говоря, он испытал легкое разочарование.

Шел сорок второй год правления У-дэ. Ли Пинъань не знал личного имени императора, поэтому для простоты называл его императором У-дэ.

В императоре не было тех легендарных качеств — ни громов в глазах, ни ослепительного сияния, ни подавляющего божественного величия. Напротив, перед ним сидел дряхлый старик с седыми волосами, отеками веками и лицом, покрытым старческими пятнами.

Скорчившись в драконьем кресле, закутанный в парадные одежды, он походил не на истинного дракона или небожителя, а на сонного, иссохшего старика.

Император У-дэ не заметил, что маленький евнух разглядывает его. Все его мысли были заняты войной на северных рубежах. Он небрежно проглотил пару кусочков еды, запил супом и вернулся в зал Циньчжэн продолжать подписывать доклады.

Так скоротечно закончилась первая встреча Ли Пинъаня с императором.

Только что поданные блюда вновь убрали в корзины, и вместе с Сяо Хуэйцзы они двинулись в обратный путь.

На обратном пути их уже не сопровождала стража, не нужно было беречь тепло от печки под корзинами, поэтому шли они легко и быстро, вскоре добравшись до Императорской кухни.

Затем, по заведенному порядку, остатки еды отправили в печь для подношений — сжигать.

Ли Пинъань смотрел, как горы деликатесов, к которым почти никто не притронулся, летят в огонь, и чувствовал невыносимую жалость. Он тихо спросил:

— Сяо Хуэйцзы, а этот суп нам можно выпить?

Суп, который они несли, назывался Отвар Золотого Нефрита для возвращения души. Золото здесь означало столетний женьшень, нефрит — рог бирюзового носорога, а в состав входили еще и такие редкие ингредиенты, как горец многоцветковый и панты оленя.

Этот отвар не предназначался для повседневного питания, он служил средством экстренной помощи. Если бы император во время еды был отравлен, ранен или внезапно заболел, этот отвар поддерживал бы в нем жизнь до прихода придворных врачей.

В обычное время он был не нужен, поэтому после трапезы его всегда сжигали.

— Господин Ань, что вы! Об этом и думать нельзя! — Сяо Хуэйцзы испуганно округлил глаза. — Остатки императорской трапезы пропитаны Драконьей Ци. Без особого высочайшего дозволения их есть запрещено, за такое полагается смерть под палками!

Ли Пинъань решительно вылил отвар в печь для подношений и небрежно спросил:

— Сяо Хуэйцзы, а ты знаешь, сколько пшеничных лепешек можно купить на стоимость этой миски супа?

Сяо Хуэйцзы покачал головой:

— Я знаю лишь, что каждый вечерний ужин обходится казне примерно в двести лянов.

Ли Пинъань судорожно вздохнул. Он долго прикидывал в уме, но сумма была такой огромной, что перевести ее в лепешки оказалось невозможно. Пришлось считать в более понятных категориях — в полях. За один ужин император съедал стоимость двадцати му земли!

Когда его старшая сестра умерла от голода, на всю их семью из семи человек приходилось лишь пол-му скудной земли. Они арендовали десять му у ростовщика Суня, и только в очень урожайные годы им удавалось набить желудки.

Да если продать все те поля, их бы не хватило даже на один ужин императора!

К императору У-дэ у Ли Пинъаня возникли странные чувства. Он не смел его ненавидеть, но прежнее благоговение и трепет исчезли.

Если бы император жаловал остатки со своего стола, сестра не умерла бы от голода...

После смены на Императорской кухне уже перевалило за час Сы.

Дворец погрузился в густую, зловещую тьму. Холодный ветер, проносясь сквозь стены и

коридоры, выл и стонал, словно плачущая женщина или задыхающийся зверь.

Ли Пинъань шел по ночному дворцу с фонарем в красном шелке — это было одно из строгих правил: фонарь обязательно должен быть в красном, чтобы не столкнуться с нечистой силой. Ходили легенды, что те, кто носил белые фонари, видели, как мимо них вереницами проходят призраки умерших евнухов и служанок.

Когда он вернулся в свою комнату, там был только Сяо Чжэньцзы.

— Господин Ань, я согрел воды, посидите, погрейте ноги.

Ли Пинъань не отказался. Хотя тело не чувствовало особой усталости, ум был перенапряжен, и он ощущал некоторую истощенность.

Пока грел ноги, он завел разговор:

— Какие новости сегодня в нашем отделении?

Сяо Чжэньцзы с завистью произнес:

— Евнух Чжоу взял себе приемного сына, разве это не событие? Жаль, у меня нет такой удачи.

В глубине души Ли Пинъаня мелькнул холод. У них с евнухом Чжоу счета были на три сотни лепешек — в деревне за такое кровной мстью бы назвали. Да и круглое лицо Ли Пинъаня — тоже подарок евнуха Чжоу, о котором он вспоминал каждое утро, глядя в зеркало.

— Тебе, парень, уже несказанно повезло, что тебя поселили здесь.

— Это точно, это точно.

Сяо Чжэньцзы закивал, вынес таз с водой, а вернувшись, начал просить Ли Пинъаня разъяснить ему тонкости Канона Лотоса.

Ли Пинъань отвечал на все вопросы, ничего не утаивая. Этот метод передавался в дворцовых стенах сотни лет, евнухи давно его изучили вдоль и поперек. Даже если бы он промолчал, Сяо Чжэньцзы узнал бы все от других. Зачем же из-за пустяков портить отношения с этим расторопным и прилежным малым?

Конечно, если Сяо Чжэньцзы поведет себя неблагодарно, Ли Пинъань не станет проявлять мягкосердечие. Убить он, может, и не сможет, но разрушить чужой дантянь — это для него раз плюнуть.

В этот момент вернулись Сяо Фанцзы и Сяо Юаньцзы. Они не только были похожи внешне, но и никогда не расставались: вместе дежурили, вместе тренировались, вместе возвращались.

Сяо Фанцзы спросил:

— Ну как прошел первый день? Какую должность дали?

Ли Пинъань слегка усмехнулся:

— Я стал приемным сыном евнуха Суня, отвечаю за доставку ужина на Императорскую кухню, даже видел лик Его Величества.

Сяо Юаньцзы замер, а потом хлопнул себя по щеке — звонко, от души, не используя Истинную Ци для защиты, так что на лице мгновенно отпечатались пальцы.

— Господин Ань, простите слепца, много было грехов за мной в прошлом...

— Сяо Юаньцзы, не нужно этого.

Ли Пинъань вытащил из рукава пачку серебряных билетов, помахал ими и сказал:

— Вы с Сяо Фанцзы всегда мне помогали. Если в будущем что понадобится — только скажите.

Сяо Юаньцзы с облегчением выдохнул:

— Господин Ань — человек широкой души.

На холодном лице Сяо Фанцзы отразилась редкая зависть:

— Евнух Сунь с Императорской кухни — фигура серьезная. У господина Аня теперь поистине невероятные связи.

Ли Пинъань оживился:

— Что ты имеешь в виду?

Днем Сяо Хуэйцзы многое рассказывал, но о евнухе Суне говорил туманно, и Ли Пинъань не решился спрашивать напрямую.

Сяо Юаньцзы подхватил:

— Евнух Сунь — приемный сын Тиду Лю из Управления Императорской Кухни, а приемный отец самого Тиду Лю — это тот, к кому господин Ань недавно заходил на поклон.

Ли Пинъань спросил:

— Неужели сам Праотец?

Во дворце был только один Праотец — евнух Чу, главный Тиду всех двенадцати ведомств Управления евнухов, а по совместительству Тиду Управления Церемониалов и главный евнух, хранящий императорскую печать.

Сяо Фанцзы добавил:

— Поздравляю, господин Ань. С такой поддержкой вы, без сомнения, вскоре займете официальную должность.

Сяо Юаньцзы вытащил из рукава серебряный билет, с явной болью в сердце вложил его в руку Ли Пинъаню:

— Желаю господину Ань скорейшего повышения. Это мой скромный взнос заранее, чтобы потом, когда придет время, не оказаться за порогом!

Ли Пинъань незаметно взглянул на номинал — двести лянов, это же двадцать му земли! На лице его расцвела широкая улыбка.

— Господин Юань, да мы с вами — самые близкие друзья и братья!

Сяо Фанцзы, вздохнув, тоже достал свой билет.

Ли Пинъань бросил взгляд на глупо улыбающегося Сяо Чжэньцзы и решил, что раз уж тот сегодня приготовил ему воду для ног, то с этого бедняка он пока взнос не возьмет, позволит доплатить позже.

В конце концов, это же двадцать му земли, как он мог про них забыть!

Прижимая к груди почти пятьсот лянов, Ли Пинъань ворочался в постели, не в силах уснуть. И вдруг его осенило.

Если он теперь встретится с Сяо Жунцзы, нужно ли ему называть того дедушкой?

Стать на два поколения младше — эта мысль была крайне неприятна. Уж лучше он будет называть дедушкой Сяо Юаньцзы, чем Сяо Жунцзы!

<http://bllate.org/book/18511/1779143>